
Copyright Юлия Полежаева
Email: jukry@mail.wplus.net
WWW: <http://www.wplus.net/pp/Julia/>

Лао Цзы. Дао Дэ Цзин

Грань содержания.

(Стихотворное переложение Ю. Полежаевой)

Предисловие.

Этот текст не есть перевод: я, увы, не знаю китайского. Хуже того - до начала работы я почти ничего не знала о Лао Цзы, не изучала ни истории Китая, ни теории даосизма, не читала комментариев к "Дао Дэ Цзину"... Зато использовала в работе в общей сложности 15 переводов, сделанных профессионалами, которые все это изучали. И до чего же разными оказались местами эти переводы - словно с разных первоисточников! Каждый переводчик смотрел на сложный, объемный, многомерный объект со своей точки зрения и сделал как бы проекцию этого объекта на плоскость своего собственного мировоззрения - свою грань содержания.

Идея была в том, чтобы, сопоставив много таких проекций, попытаться почувствовать и понять первоисточник - и изложить найденный смысл более современным языком, по возможности внятно и однозначно, хотя бы и ценой потери китайского стиля и колорита. Конечно, в результате получилась опять всего лишь проекция, опять только грань - но это грань именно исходного смысла, а не какого-то из переводов.

Внятность и недвусмысленность формулировки была моим основным критерием - в ущерб любым другим стилистическим соображениям. По возможности, я придерживалась текста, но, при необходимости, считала допустимым перестановку строк, сокращение или, наоборот, более развернутое объяснение, вплоть до привлечения подходящих по смыслу поговорок или цитат других времен и народов - главное, чтобы не требовалось никаких комментариев на тему "что здесь имеется в виду".

На первый взгляд, стихотворная форма этим благим намерениям противоречит - но почему-то необходимость ритмической и даже рифмованной организации казалась мне внутренней потребностью текста. Некоторые объяснения этому появились при попытке изложить то же самое в прозе - в прозе и внятно не получается коротко! Почему - не знаю, но факт. Ни в малейшей степени не считая себя поэтом, я прошу не рассматривать и не оценивать этот текст как стихи - это не более чем рифмованная организация содержания.

Избежать комментариев мне все же не удалось - но они обращены, главным образом, к знатокам других переводов и призваны объяснить не "что тут хотел сказать Лао Цзы", а почему из множества альтернативных трактовок выбрана именно данная. Общие принципы были следующие:

1. По возможности, я предпочитала текст подтексту, выбирала максимально простой, даже примитивный и лежащий на поверхности смысл. Никак не оспаривая наличия в "Дао дэ цзине" "мудрости, претворившей в себе оккультизм китайской архаики"[13] или, скажем, "технологии алхимического действия, направленного на соединение Воды и Огня, как основных энергетических полей восприятия-внимания, в сосуде человеческого феномена" [5], я, тем не менее, исходила из предположения, что простой и логичный смысл там тоже есть.

2. В каждой главе я старалась найти четкую логику рассуждения, связывающую всю главу от первой до последней строки. Предположение о существовании такой логики напрашивается из самой структуры текста, в котором постоянно встречаются выражения "поэтому", "отсюда" и "следовательно".

3. В отношении текста в целом я исходила из предположения, что он написан одним человеком, и ориентировалась при выборе трактовки не столько на идейную непротиворечивость, сколько на соответствие личности автора, представление о которой постепенно сформировалось в ходе работы. С этим пунктом не все получилось - несколько глав, по моим впечатлениям, с портретом автора никак не стыковались, хотя, возможно, соответствовали даосской идеологии. То ли я чего-то не поняла, то ли предположение о том, что какой-то текст продержался 2 с лишним тысячи лет без более поздних вкраплений и искажений, было слишком сильным :-) - как бы то ни было, эти главы пришлось изложить как есть (вернее, как большинство переводчиков), не отражая в комментариях свое субъективное мнение об их авторстве.

В работе были с самого начала использованы шесть русскоязычных переводов:

[1] академический перевод Ян Хин Шуна (в б-ке Мошкова <http://lib.ru/POECHIN/lao1.txt>);

[2] перевод Н. и Т. Доброхотовых, известный в Интернете под названием "Дубна, Свента" (<http://lib.ru/POECHIN/lao2.txt>);

[3] перевод Александра Кувшинова (помещенный у Мошкова под названием "еще один перевод" на <http://lib.ru/POECHIN/lao3.txt>), а также с комментариями на <http://www.raid.ru/customers/pin/Text/DAO.htm>);

[4] перевод неизвестного автора, помещенный у Мошкова под названием "лучший перевод" на <http://lib.ru/POECHIN/lao4.txt>, со ссылкой на <http://www.geocities.com/Athens/Academy/4377/ma.html>;

[5] перевод Бронислава Виноградского на <http://www.friend.ru/china/dao/index.htm>;

[6] перевод Юй Кана на <http://www.japanserver.ay.ru/txt/b47.txt>

и пять англоязычных переводов:

[7] by Charles Muller,

[8] by Raymond B. Blakney,
[9] by Chad Hansen,
[10] by Peter Merel (аналогичное переложение, сделанное на основе нескольких переводов),
[11] by Stan Rosenthal.
(ссылки на эти и другие англоязычные переводы можно найти на <http://www.clas.ufl.edu/users/gthursby/taoism/ttc-list.htm>).

По ходу дела выяснилось, что переводы [2] и [4] представляют собой переработку [1], поэтому в последней трети работы были использованы также еще три русских перевода:

[12] перевод И.И.Семененко в кн. "Обрести себя в Дао", М., Республика, 1999 г.;

[13] перевод А.А.Маслова в кн. "Мистерия Дао". М., "Сфера", 1996;

[14] перевод Д.П.Конисси (первый русский перевод под редакцией Л.Н.Толстого), Ростов, 1994 г.;

и один немецкий перевод (в самых тяжелых случаях :-))

[15] von Rudolf Bachofen на <http://www.lao-tzu.de>,

а также разрозненные комментарии и переводы отдельных глав, которые попадались в разных местах.

Надеюсь, что эта работа окажется полезным дополнением к существующему богатству переводов.

Ю. Полежаева.

Не объяснить словами истинное Дао,
Лишь слово сказано - не истинно оно.
То, что без имени - Земли и Неба тайна,
Что с именем - определенным рождено.
То и другое вместе, сущность и именованье -
Есть глубочайшей истины зерно.

Лишь страсти затрудняют пониманье.
Свободный от страстей постигнет суть,
Сокрытую в явлении форм случайных.
От слова к сути - к чуду Путь.

Добро и зло - вопрос определения.
Присвоив имя, мы, тем самым, меру задаем.
Есть красота лишь там, где есть уродство для сравнения,
И смерть лишь как не-жизнь мы создаем.
Длинно иль коротко - мы видим в отношении,
Постигнув низкое - высокого понятие создаем.
За звуком нужен звук, чтоб музыка звучала.
Начало есть конец прошедшего начала.

Поэтому мудрец свершает в недеянии,

Уча безмолвно, следует учению без слов,
Он создает, но не стремится к обладанию,
И не участвуя, творит движение вновь.
Так, без усилий порождая измененья
И не гордясь успехом совершенья,
Он не теряет уваженье и любовь.

Когда бы знание не внушало почитанья -
Кто стал бы спорить из-за правоты своей?
Когда бы ценность не прельщала обладаньем -
Кто стал бы вором ради дорогих вещей?
Когда бы не был на виду объект желанья -
Что взволновало бы сердца людей?

Поэтому мудрец, берясь за управление,
Старается людей одеть и накормить,
Но уничтожить в них и знания, и стремленья,
Ослабить волю, страсти остудить.
А те, кто знает, не тревожат пусть народ.
Лишь недеяние к спокойствию ведет.

Непросто Дао дать определение.
Что бестелесно - в том источник всех вещей.
Оно пусто - но бесконечно в проявлениях,
Само бесформенно - основа формы всей.
Бездонное - причина всех явлений!

Реальной вещи нет, пригодной для сравнения.
Все существующее - как пылинки рядом с ним.
Блеск Дао, пронизательность, волненье
Сравнимы только с хаосом самим.
Оно - предшественник началу всех начал.
Не знаю, что иль кто его создал.

Земля и Небо смотрят на страдания безучастно.
К гуманности Природа не склонна,
И не пытается, в сочувствии к несчастным,
Менять извечный ход вещей Она.
Так и мудрец, законам следуя Природы,
В гуманности не видит пользы для народа,
Его естественную жизнь ценя.

Есть вещи, чье от пустоты зависит применение,
Как флейта, например, или кузнечный мех,
Чем больше пустоты, тем больше в них свободы для движения,
Чем больше в них движения, тем больше пользы в них.
Так и пространство между Небом и Землей,
Как флейта или мех, прекрасно пустотой.

Не стоит это долго обсуждать,

Во всем полезно меру соблюдать.

Ища истоки Неба и Земли происхожденья,
В основе сущего найдем врата,
В них корни глубочайшие первичного рожденья,
За ними - пустота.
Врата из "может" в "есть",
извечный бесконечный акт творенья.
Из пустоты - неисчерпаемо многообразие воплощенья,
Что длится, словно нить, не прерываясь никогда.

Лишь потому, что о себе заботы не имеют,
Земля и Небо существуют долгий век.
И так же поступает мудрый человек.
Тот дольше проживет, кто жизнь свою не ценит.
Тот будет впереди, кто сам последним хочет встать,
И счастье тот найдет, кто не боится потерять.
Кто не печется о себе, тому удача не изменит.

Вода нам высший образец достоинства дает:
Она приносит пользу всем, сама ища покой,
Ни с кем не борется за положение и почет,
Довольствуясь низжайшим местом, презираемым толпой.
Подобен Дао путь, каким она идет.

Так и мудрец - веленьям сердца следуя достойно,
Со всеми дружелюбен и в жилище скромном он живет,
В речах правдив, руководит людьми спокойно,
Решает вовремя, себе по силам дело он берет.
Уступчив, как вода, стремится он к покою,
Поэтому ошибки и беда его обходят стороною.

Ты должен знать, когда остановиться.
Нельзя кувшин сверх края наполнять,
Чрезмерное богатство невозможно охранять,
Чрезмерно острый меч скорее затупится,
Добром иль чином чересчур гордиться -
Беду на дом свой навлекать.

Умей уйти, как только труд твой завершен.
Таков Пути естественный закон.

Если, единства достигнув с собою
С телом своим и своею душою,
Сможешь единство не потерять,
Если, свое усмиряя дыхание,
Сможешь младенцу подобным ты стать,
Если, очистив свое созерцанье,

Сможешь ошибок ты избежать,
Если, людей безыскусно любя,
Власть над страною приняв на себя,
Сможешь без хитростей ты управлять,
Если ты сможешь, как Вечная Мать,
Жизнь и погибель бесстрастно давать,
Сможешь спокойствия не потерять,
Если сумеешь весь мир осознать -

Пестуй, учи и заботься, рождая,
И создавай, не обладая,
Действуй, награды не ожидая,
Властвуй, почета не признавая -

Так ты познаешь Дэ благодать.

Без дырки для оси что делать с колесом?
Из глины сам кувшин, но пустота полезна в нем,
И тем удобней дом, чем больше в нем объем.

Так часто пустота полезность создает,
А наполнение - доход.

Цветов обилье ослабляет зрение,
Избыток звуков оглушает,
Разнообразие вкусов чувство притупляет
И бесполезно сердце возбуждают развлечения.
Чрезмерные желанья мирно жить мешают,
Сокровища рождают преступления.

Но мудреца напрасно безделушки искушают,
О пропитаньи думать он предпочитает.

Хула и похвала нас одинаково тревожат,
Чем больше дорожишь собой, тем этот страх сильней:
Ценя себя, боишься в славе, что она исчезнуть может,
В гонении боишься ты людей.

Когда же мало ценишь ты себя,
Чужие мнения не трогают тебя.

Поэтому, себя над миром в личном мнении поднимая,
Ты лишь зависишь от него сильней,
Тогда как жизнь служенью людям посвящая,
Весь мир любя и принимая,
Заслужишь ты доверие людей.

Ведь мир тому себя доверчиво вверяет,

Кто от него себя не отличает.

Пределы чувств в познании Дао создают ограничения:
Его нельзя услышать - ведь оно за гранью звука,
В него нельзя всмотреться - ведь оно за гранью зрения,
Нельзя потрогать - ведь оно за гранью ощущения;
Единое, оно не подлежит определению,
Которое способна дать наука.

Его подъем не создает сияния,
Его паденье темноты не создает,
То безымянное, что существует постоянно
И вечно возвращается в небытие,
Без формы форма, образ, но без содержания,
Неясное, туманное - беспомощны его названия.

Кто перед ним стоит - лица не замечает,
Идущий следом - оборота не найдет.
Его закон все времена объединяет,
Кто следует ему, тот настоящим временем овладевает
И изначальные истоки мира познает.

Этот закон извечной нитью Дао называют.

Даосы древности так глубоко проникли в суть явлений,
Что трудно их непосвященному понять.
Поэтому могу лишь описать
Их поведение,
В котором внешне проявлялось их мировоззрение.

Они так шли по жизни осторожно,
Словно по льду через поток,
И так держались настороженно,
Как будто враг вот-вот нагрянуть мог.
Бесхитростны, как дерево простое,
Держались, как в гостях, благопристойно,
Податливы, словно весенний лед,
Отзывчивы, как дол, что гостя ждет,
Непроницаемы, как сель, что с гор идет.

Они, непонятыми сами оставаясь,
Все смутное способны были прояснить,
И, сами в недеянии пребывая,
Других к активности успешной побудить.
Они держались твердо Дао
И были сдержанны в желаньях.
Довольствуясь смиренно малым,
Они мирились с обветшаньем,
Но нового не создавали.

Храня сознание в покое совершенном,
Предельной пустоты я достигаю,
И так в молчаньи наблюдаю,
Как тьмы вещей, в порыве жизни расцветая,
Вновь возвращаются в свое начало постепенно.
В покой и пустоту -
судьба всем возвращаться неизменно.

Круговорота этого извечное свершение
Законом Постоянства называют.
Его познание означает просветление,
Пренебрежение им - ко злу толкает.
Принявший Постоянство осознает
В нем справедливости Природы выражение.
Божественный закон, что нашим миром управляет -
Единственное, что не подлежит уничтожению:
Без тела, обреченного на смерть и тление,
Свое существование вечно Дао продлевает.

Не достоин веры тот,
Кто не верит в свой народ,
Хуже всех он управляет
И его все презирают.

Большой ждет того успех,
Кто вызывает страх у всех.

Много лучше достижения
При любви и уваженьи.

Самый лучший лидер тот,
Про кого почти не знают,
Кто с речами не мелькает -
Коль он цели достигает,
Люди дружно полагают,
Будто все само идет.

Когда в себе утрачивают люди Дао,
Им общество извне навязывает право.
Когда по совести жить человек не смог,
Встает пред ним гражданский и семейный долг.

И вместе с принципами, что рассудка порожденье,
Приходят лицемерье и пренебрежение.

В семье, где все друг друга хаот,
В речах о долге чаще вспоминают,
И больше требуют лояльность
и принципиальность

В стране, что в смуте пребывает.

Когда бы не было учености и знаний,
Счастливей люди были б во сто крат.
Когда б не мастера, что вещи ценные творят,
И не торговцы, что барыш сорвать хотят,
Основы не было б для преступлений.
Когда б не правосудие, мораль
и прочие ограниченья,
Что государства всем устроить норовят,
Народ вернулся бы к гармонии семейных отношений.

Все то, о чем примеры эти говорят,
Могу я выразить в едином поученьи:

Для мудрого -
всего уместней в жизни простота,
Естественность
кусочка дерева иль чистого холста.
Мудрец свой эгоизм отбросить должен навсегда
И отрешиться от желаний и стремлений.

И ныне, и в любые времена,
Мудрец познает горе от ума.
Велик ли шаг от почитанья до презрения?
И меж добром и злом большая ль разница видна?
Бояться должен тот, кто вызывает страх и раздражение.

Один средь праздника я неприкаянно брожу,
Рассеянно вбираю впечатления,
Как новорожденный, на мир я с удивлением гляжу
И не ищу с людьми общения.
Где дом, в котором мог бы обрести успокоение?
Как безнадежно я его не нахожу!
Беспомощно плыву, как щепка по течению...

Иметь достаток - общее стремление.
Один лишь я остался в стороне.
Глупец! Я не имею очевидных достижений,
И видят простофилю все во мне.
Другие обо всем имеют мнения,
Уверены в себе, не ведают сомнения -
И только я блуждаю в полной тьме.
Невежда! Бестолковый от рождения!
Понятные для всех - неясны мне определения.
Бреду в житейском мире, как во сне.

Все люди яркими способностями блещут,
Стремятся к цели и в делах успеха ищут.

Лишь я, бесцельный как волна,
И бесполезный как она,
Гонимый, словно ветром, что над морем свищет,
Обычных дел людских не разделяю.
К груди я Матери-Природы припадаю.

Границы Дэ определяет Дао,
И сущность Дэ из Дао вытекает.
Само же Дао дивную загадку представляет.

Неясное и неопределимое как данность:
В его туманной глубине таятся образы вещей,
В его неясности хранятся содержания,
В его непредставимой тьме - зародыши существования.
Мерцает в нем Природы всей
Потенциальная реальность.

От древности до наших дней
Не прекращаются старанья
Дать внятное ему именованье -
Необходимое, как инструмент познания
Начала всех вещей.

Хранит ущербное зародыш улучшения,
Обречено кривое ровным стать,
Пустое только можно наполнять,
А ветхое несет возможность обновления,
Того, что в недостатке, шансы есть приобретения,
Чего избыток - вероятней потерять.

Противоречия - едины.
 Это представление
Мудрец приемлет как модель для поведения.
Себя не выставляет он - но виден,
Свое не утверждает - значит прав,
Собой не хвалится - но путь его другим завиден,
И властью не гордится, власть приняв.
Не соревнуется ни с кем - и потому
Достойных нет соперников ему.

Так не верно ли древнее речение:
"Хранит ущербное зародыш совершенного"?
Прими движение
 как к совершенству возвращение.

Шторм утренний не будет долго длиться,
И сильный дождь скорее прекратится -
Свою Природа не затягивает речь.
Тем более тому,

кто с ней и не пытается сравниться,
Слова рекомендуется беречь
И говорить о важном мало.

Тот, кто считает жизнь служением Дао,
Тот на Пути уверенно стоит -
И Путь к нему благоволит.
И тот, кто жизнь считает Добродетели служением,
Тот Добродетели сам станет выражением -
В ответ от жизни радость встретит он.
А тот, кто видит в жизни только путь утрат,
Тот сам в своих утратах виноват -
И навсегда утратам будет обречен.

Через века другим сказать о том же суждено:
По вере будет каждому дано.

Приподнявшись на носочках - неустойчиво стоишь.
Слишком широко шагая - далеко не убежишь.
Напоказ всем выставляясь - ты признанья не найдешь,
И себя сам восхваляя - славы ты не обретишь.
Нападая - ты успеха не достигнешь,
С самомнением - в лидеры не попадешь.

Все живое избегает лишней суеты.
Хочешь жить согласно Дао - избегай и ты.

Из совершенной хаотичности Оно
Земли и Неба прежде рождено -
Безмолвно так и так отчуждено!
Самодостаточно и неизменно пребывая,
И вечно превращаясь, хоть и не теряя,
Во все процессы беспредельно проникая -
Рождает остальное все Оно.

Я имени Его не знаю,
И знаком "Дао" лишь обозначаю.
А если вынужден Ему я имя дать -
Великим лишь могу Его назвать.
Что значит это наименование?
Столь велико, что ускользает осознания:
Чуть, кажется, ухватишь - суть уж далеко,
И возвращает вновь меня к непониманию.

Так может ли ничтожнейший субъект познания
Пытаться то понять, что кажется настолько велико?

Да, безгранично Дао,
И беспредельна власть законов, что из Дао вытекают,
И необъятен мир вещей, которыми законы эти управляют -

И все ж к познанию сильна не меньше страсть,
И Разум вещный мир способен познавать.
Средь Сил великих не последнее он место занимает:
В познании вещей законы Неба постигает,
И с ними Дао сможет он понять.

Держает Разум повторять из века в век:
"Я - Бог, я - Царь, я - Человек!"

Тяжелый корень держит легкое растение,
Его покой - хозяин веточек волнения
И безопасного их на ветру движения.

Когда мудрец в дороге чудеса находит,
Он от своей поклажи не отходит,
И, как бы не прельщал его прекрасный вид,
Он, бросив груз, вперед не побежит.

Так и страны властитель должен понимать,
Что подданных не стоит презирать:
В спокойствии народа коренится его власть.
В отрыве от корней - бессмысленны движения.
Стараясь для себя - лишает толку он любые достижения,
А, суется без толку, власть недолго потерять.

Тот самый лучший путник, кто следов не оставляет.
Оратор лучший тот, кто речь свою не поясняет.
План совершенен, если плана вовсе нет.
Когда мудрец одно с другим соединяет,
Он не веревкой узы закрепляет,
Но не развяжешь их за тыщу лет.
И если мудрый двери закрывает,
Засовов и замков он не употребляет,
Но двери те открыть надежды нет.

Поэтому мудрец живет с открытой дверью,
И всех встречает он доверием,
Кто б ни стучался - здесь отказа не найдет:
С бедой ли человек или неверием,
Любые сущности иль звери -
Никто без помощи отсюда не уйдет.

Поэтому с готовностью желающих от учит,
И сам он радость от процесса обучения получит -
Но связь с учеником мудрец не станет закреплять.
Любых привязанностей избегает он влияния -
И ученик, чтобы продвинуть дальше знание,
Учителя не должен слишком почитать.

Ведь знание без оселка сомнений -

Источник самых сильных заблуждений.
Лишь это стоит абсолютной истиной признать!

Осознавая естество свое мужское,
О женских качествах в себе не нужно забывать:
Долиной между пиками двумя ты должен стать,
И, находясь в тени обоих,
Мир в цельности, как новорожденный ребенок,
Сумеешь ты тогда воспринимать.

Осознавая свет,
 не забывай про тьмы существование,
Любое "да" имеет "нет",
 таит любое утверждение отрицание,
У всякой палки есть "другой конец" -
Ты сам таких противоречий образец.
И если их наличие постоянно сознать,
Ты заблуждений многих сможешь избежать -
Пределов и границ тогда не будет твоему познанию.

Осознавая славу, не забудь возможность унижения,
Стань перевалом меж гордыней и смирением:
То и другое - пики, на которых невозможно устоять.
Удерживаясь между ними, сохранишь достойным поведение,
Естественным, как неотделанная древесина, сможешь стать.

Как дерева кусок,
 на части расщепив и обработав,
 можно сделать годным к применению,
Так мудрый может применить
 противоречий различение
 в делах и размышлении,
Но истинно великое едино
 и не подлежит анализу и разделению.

Наш мир прекрасен, как таинственная чаша,
Вместилище судьбы и жизни нашей,
И покоренью неподвластен он.
Тот, кто рассчитывает миром обладать
И им по своему желанью управлять,
Всегда на поражение обречен.

Мир пребывает в постоянном изменении
И оттого не поддается управлению.
Тот кто лидирует, начнет когда-то подчиняться,
Кто вольно дышит - будет задыхаться,
Когда-то сильный может слабым стать,
То, что сегодня строится, то завтра будет разрушаться -
Поэтому захватчик обречен добычу потерять.

И так как мудрый это понимает,
В самонадеянность излишнюю он не впадает,
Страстей и крайностей разумно избегает.

Когда мудрец властителю советы подает,
Как Дао следовать в процессе управления,
Военной силы он не одобряет применения -
Всегда насилие обратно рикошетом бьет.
Там, где прошли войска, один бурьян растет,
И следом за кампанией военной,
Приходят годы бедствий и невзгод.

Поэтому мудрец насилие всегда
 не добровольно выбирает,
И побеждает лишь тогда,
 когда его к тому противник вынуждает,
Необходимого добившись, дальше не идет.
Он, победив, в самодовольство не впадает,
Добычи, почестей и славы избегает
И власти большей от успеха не приобретет.

Ведь тот, кто на такой победе пышно расцветает
И много сил приобретает -
Тот одряхлеет рано и умрет.
Несоблюденье Дао сей конец печальный вызывает.

Оружие войны - зловещая примета,
Оружие рождает ненависть и страх -
И с правою рукой ассоциируется это.
Постигший Дао ненавидит держать оружие в руках.

Рукою левой править, умиротворяющей,
Мудрец в дни мира государю даст совет,
Но к правому, к деснице поражающей,
Властитель обращается в годину бед.
При мирной жизни левое в почете пребывает -
Почетным станет правое в предвестьи испытаний.
Так левое о днях благих напоминает,
А правое есть символ мрачных предсказаний.

Оружие войны - зловещая примета,
И мудрый государь его поднимет для победы,
Лишь если выбора другого нет.
Он сохраняет самообладание при этом,
И радости не получает от побед.
Как может радовать причина множества смертей?
Тот, кто ликует - понимания не встретит у людей.

Когда парад властитель победивший принимает,
На правом фланге старших офицеров выставляют,
А слева младшие по званию стоят.

Распределением почетных мест зловещий этот ряд
По праву скорбный ритуал напоминает:
Ведь толпы жертв войны лишь скорбь и горечь вызывают -
Как в похоронном карауле победители стоят.

Естественно и цельно Дао, словно древесина,
Неименуемо и в принципе на части неделимо,
И это потому,
Что даже в самом малом проявлении
Оно не состоит по отношению к целому всему
В каком-нибудь вложении или подчинении -
Себе равновелико самому.

Когда бы вместо государей и прочих всяческих властей
Подобный принцип мог бы применяться в обществе людей,
Нужды бы не возникло в принуждении:
Все б относились к общей пользе как к своей,
Нашли б народы счастье в самоуправлении,
Не рис - медовую росу легко собрали бы с полей,
Земля и Небо слились бы в восторженном соединении...
Увы, мечта эта прекрасна -
но напрасна,
И заведен другой порядок у людей.

В основе этого порядка - разделение
И разных качеств различение,
И воплощение этого процесса - имена.
Все, что имеет имя, то несет определение,
Находится к другим в каком-то отношении -
Как между дерева брусками,
 полированными с целью украшения,
Меж сущностями разница теперь видна.

Именованье, как и различие,
Удобно в повседневном применении
И тем для практики важно.
Но есть опасность потерять единства мира ощущение,
Поэтому полезно знать предел для новых слов изобретения:
Все то, что на словах различно - в сущности Одно.

Бегут отдельные речушки по ущелиям,
Но если проследишь их к морю общее стремление,
Поймешь, что нет по сути на потоки разделения,
А есть одна единая вода.
Так Дао в мирадах проявлений
Единым остается навсегда.

Если тайные струны ты в душах чужих разбираешь -
ты умен.
Если темные стороны в сердце своем понимаешь -
духом ты просветлен.

Если ты над другим вкус победы изведal -
ты могучий герой.
Но ты вдвое сильней, если можешь победу
одержать над собой.

Если ты и собой, и делами своими доволен -
ты богач.
Но, имея стремление духа, ты будешь упорен
в достижении новых удач.

Если ты свои цели на долгом пути не теряешь,
То и жизнь твоя долго продлится.
Если ты умираешь, но в памяти не исчезаешь -
Пусть не тело - но дух твой в веках сохранится.

Реке, разлившейся от вешних вод, подобно Дао -
Нет ни границ, ни направлений ни налево, ни направо.
Там мириады сущностей, не зная даже о его существовании,
Все из него рождаются и снова возвращаются в него,
Оно творит все сущее, взамен не ожидая ничего,
Питает мир животворящей силой созидания,
Не принуждая к подчиненью никого.

Нет у него ни собственных стремлений, ни желаний.
Как часто это связано в общественном сознании
С ничтожностью того, чье так бесхитростно обличье.
Но Дао, целый мир в себя вбирая,
Всех без отказа снова принимая,
И все ж себя ни господином, ни великим не считая -
Пример нам истинного подает величия.

Примеру Дао следуя и бедствий избегая,
Все вечно движется в стремлении к покою.
Лишь там, где путника еда и радость ожидают,
Он остановится невольно.

Хоть Дао пищи из себя не представляет,
На вкус, на вид, на слух его не распознать,
Но тот, кто радость в нем научится черпать,
Поистине, его не исчерпает.

Чтобы сжимать - сначала надо расширять,
Чтобы ослабить что-то, силу дай ему умножить,
Дай расцвести тому, что хочешь уничтожить,
И щедро одари, чтобы отнять -
Вот мудрость, с помощью которой
Любую силу слабость может побеждать.

Как рыбе темные глубины не годится покидать,
Так государству методы свои не должно людям объяснять.

Извечно Дао в недеяньи пребывает,
Но дел несделанных не оставляет.
Когда б правители могли бы так же поступать,
Мир сам, как должно, стал бы расцветать.

Но если б кто-то, недовольный натуральным измененьем,
Еще бы дополнительные возымел стремленья,
Желанья эти надо б было пресекать
И к простоте его естественной взывать.

Природы безымянная естественность желаньем не страдает
И оттого бесстрастного покоя достигает.
В отсутствии желаний личных - путь к покою.
Тогда б порядок сам установился под луною.

Тем искреннее качества благие,
чем менее себя они стремятся проявить.
Тем выше нравственность,
чем меньше суеты и нарочитых намерений.
Из этих исходя соображений,
Мы можем добродетели известные сравнить.

Носитель Высшей Дэ намеренно дел никаких не совершает,
Он, целей не имея, в недеяньи пребывает,
И все ж необходимого несделанным не оставляет.

По зову сердца действует Высокая Гуманность -
И не в расчете на людскую благодарность.

Дела Высокой Справедливости проникнуты стремленьем
Все привести к законным предустановленьям.

Высокое Приличие всю деятельность в рамки ритуалов загоняет
И принуждает тех, кто добровольно ритуал не соблюдает.

Итак, мы видим, что с утратой Дао остается Дэ,
С утратой Дэ надежда остается на гуманность,
С утратой милосердия еще законность соблюдается везде,
С утратой и закона остается только церемониальность.

А ритуал - уже пустая веры оболочка:
Идея вырождается в цветочки.
Невежества и глупости в нем зарожденье
И близкой смуты предвещенье.

Поэтому мудрец не оболочку - содержание выбирает,
И не цветочки, а плоды предпочитает.

Все, что от века существует, к цельности стремится:
Стремится небо чистым и прозрачным стать,
Земля своей стабильностью и твердостью гордится,
Вода по полным руслу рек струится,
И все живое поколенья новые не устает рождать.

Властитель также цельность государства сохраняет
Тем, что пример высоких личных качеств подданным являет.

Потеря цельности всегда к опасности ведет:
Так грозная туча словно в клочья небо рвет,
И может быть земля расколота землетрясением,
Пустое русло, высохнув, в пустыне пропадет,
И вид любой живой исчезнет,
если жизнь не даст последующим поколениям.

Коль государь моральной высоты народу не являет,
Его правление находится в опасности свержения.
Ведь низкое всегда высокого опору представляет,
Народ своей поддержкой власть любую укрепляет,
И должен основания иметь для уважения.

Когда властитель сам себя "ничтожным" и "убогим" называет,
Возможно, он подобным образом предполагает
Поддержку и сочувствие у подданных снискать.
Однако это ложный путь, которым он скорее достигает
Опасности свое достоинство в глазах народа потерять.

Подумай - если колесницу разобрать,
Деталей груды невозможно применять:
Вещь всякая полезна в цельности своей
И с правильным соотношением частей.
Поэтому, хотя не стоит в сомнение впадать
И драгоценной яшмой свою особу полагать,
Однако и булыжником себя не следует считать.

Дао движение - от отрицания.
В слабости - двигатель цикла вращения.
Из бытия - всех вещей порождение.
А самого бытия появление -
Из отрицания существования.

Мудрец, узнав о Дао, воплощать его старается упорно,
Обычный человек то загорается энтузиазмом, то бросает,
Глупец насмешкам Дао подвергает -
Но, впрочем, без насмешки Дао не было б собой, бесспорно.

Не зря же говорят, что чудак подобен слишком просвещенный.
Кто видит ясный путь - тот выглядит, как будто заблудился,

Тот, кто достиг высот духовных - словно опустился,
А человек высокой чистоты - в глазах людей как развращенный.
Таких примеров можно много привести:
Предельное обилие невольно в людях чувство недостатка вызывает -
Как часто в лице высочайшей добродетели обман подозревают!
В изменчивости мира трудно истину надежную найти.

Великое выходит за обычные пределы осознания:
Углы Великого Квадрата невозможно указать,
Великий Дар придется долго ждать,
И слуху недоступно слишком сильное звучание.
Великий образ Дао не имеет четкого определения,
Он безымянен и от глаз сокрыт -
И все же Дао и начала в мире все творит,
И все процессы в нем приводит к завершению.

Едино Дао - в нем единства мира основание.
В единстве каждой вещи при ближайшем рассмотрении
Находим два взаимно-исключающие устремления.
Два качества полярные друг в друга постоянно переходят,
И, значит, третья сила есть,
 что это преобразование производит.
Определяет тройка эта мира сущего дыхание
И всех вещей образование.
Любая сущность Инь и Ян в себе несет -
Посредством силы жизни Ци гармонию их сочетанье создает.

Все люди, что несчастья и нужду переживают,
Стараясь хоть в глазах других счастливыми казаться,
Не любят неудачниками называться,
Но власть имущие, что и удачей, и богатством обладают,
Себя "убогими" и "сырыми" нарочно называют.

Так, что принижено, возвыситься стремится,
Возвышенное же стремится к самоунижению.
Тот, кто насилием высокого добился положения,
Насилия по отношению к себе боится.
Суровые уроки жизни многому научат -
И то же самое мир от меня в ответ получит.
Соль моего ученья - в отражении.

Уступчивое - твердость преодолевает,
А то, что не имеет вещества -
В отсутствие пространства проникает.
Мудрец, который это понимает,
Из недеянья пользу извлекает,
И знание - из учения, не облеченного в слова.
Но в мире редко кто за истину сей принцип принимает.

Что ближе к телу - имя или жизнь?
Что для тебя дороже - жизнь или имя?
Не правда ли, что иногда приобретение
Труднее, чем потерю пережить?
Чем больше слава иль казна,
 тем больше будет и утрата,
Чем большим чувством жизнь полна,
 тем тяжелее ждет расплата.
Лишь тот, кто меру соблюдает,
Стыда и бед успешно избегает,
И жизнь свою надолго продлевает.

Лик совершенства безупречного в пределе кажется порочным.
Смыкается в пределе с пустотой неисчерпаемая полнота.
Великое искусство кажется неловким и непрочным.
Невнятна речь, что быть стремится максимально точной,
И в парадоксах - истины великой красота.

Известно, что движение холод побеждает,
А лишний жар покоем умирят.
Когда нам мир запутанную и волнующую тайну предлагает,
Спокойствие и ясность мысли пониманию способствуют всегда.

Если Дао внедрять в государстве стремятся -
Мирно кони навозом поля удобряют.
Если Дао в душе и в стране забывают -
Скакуны боевые по улицам мчатся.

Безграничные страсти опаснее бедствий стихийных,
Жажда больше иметь разрушительней всякой потери,
Хуже бури в желаньях не знающий меры.
Вечно счастлив лишь тот, кто не ищет доход
Сверх потребностей необходимых.

Чтоб мир познать - не надо далеко ходить.
Кто дальше ходит - меньше знает.
Мудрец, не глядя из окна, Путь Неба постигает,
Ему не нужно внешность видеть,
 чтобы правильное имя находить.
Он в недеянии необходимое свершает.

Кто учится - тот знания запас приобретает.
Кто Дао следует, осознанное каждый день теряет,
Пока необходимость в действии не начинает исчезать -
Так мудрый недеянья достигает.
А истинное недеянье ничего несделанным не оставляет.
Бездействующий - ненавязчиво мир внешний побеждает,
Но без толку пытаться миру свою волю навязать.

У мудрого в душе характеристик неизменных не найдется -
Обогащает душу он в общении со всеми, с кем соприкоснется.

Он добрых неизменно добротой встречает
На зло он тоже добротой отвечает -
Так совершенствует в себе он доброту.
Тем, кто доверия заслуживает, верит он,
Но и неискренних встречает он доверием -
Так совершенствует души он чистоту.

Из душ людских он драгоценности и мусор собирает,
Добро и зло не разделяя.
Он как ребенок мир воспринимает,
Не осуждая и не выбирая,
Все вместе в своем сердце в Дэ переплавляет.

Мы в мир выходим при рождении,
А в смерти возвращаемся назад.
Из десяти людей лишь три - в поре цветения,
И три уже в конце пути стоят,
А остальные, пребывая в жизненном движении,
Лишь ускоряют смерти приближение,
И это потому, что слишком жить хотят.

Однако люди говорят,
Что жизни окончательное постижение,
Постигшему позволит избежать
И хищников, и воинов вооруженных нападения.
Когтям тигриным, рогу носорога
В нем места нет для приложения,
И нападающему некуда клинок вонзать.
У смерти нет основы для вхождения.

Не устает все вещи Дао порождать.
Суть Дэ его в том состоит, чтоб дать
Им всем питание и воспитание.
В материальности - основа всех вещей формирования,
В условиях развития -
возможность совершенства достигать.

Вот почему весь мир наш Дао следовать готов,
И Дэ любое проявление
непроизвольное внушает уважение -
Не по приказу или принуждению,
А потому, что ход естественный вещей таков.
Ведь все, что Дао порождает,
Оно, Дэ следуя, лелеет, пестует и опекает,
Воспитывает, вскармливает, утешает
И защищает от врагов.

Не обладая, создавать,
Творить, но сотворенным не гордиться,
Не властвовать, хоть управлять -
Вот принципы, что должен соблюдать
Любой, кто к Дэ стремится.

Имеют вещи все свое происхождение,
Которое причиной можем мы считать.
Поняв причины, надо в следствиях найти их проявления,
Познав последствия, не следует причины забывать -
Тогда опасностей всегда ты сможешь избежать.

Все знают, например, что чувства охлаждая,
От мира двери закрывая,
Любой всю жизнь без затруднений проживет,
Но если волю чувствам и эмоциям давать,
Брать на себя ответственность, в заботах хлопотать,
То от проблем ничто тебя до смерти не спасет.

Поможет ясность мысли незаметные детали замечать,
Имея силу мысли, сможешь ускользающее удержать.
Природу познавая, разума используй свет -
Себе вернешь ты ясность понимания
Единства мира и частей его взаимного влияния,
И ни себе, ни людям причинить не сможешь вред.
Вот это именно и называют "Постоянство соблюдать".

Стремление к знаниям к Великому Пути ведет,
Кто на него вступил, пути не потеряет,
Бояться может только, что с дороги сам свернет -
Путь Дао ровен и широк, ведет он прямо, не петляет,
Но люди часто тропки узкие предпочитают.

Властители в роскошных помещениях
В тщеславии своем не замечают,
Что сорняком поля в стране их зарастают,
И людям хлеба не хватает.
Копящие богатства и увешанные украшениями,
Погрязшие в разнообразных пресыщениях,
Они недаром отвращенье вызывают:
Их хвастунами и грабителями называют -
Противоречит Дао хамское такое поведение.

Ограды, что веками строят, нелегко сломать,
От уз, привычкой укрепленных, трудно убежать -
Всегда потомки предков чтут, традиции крепя.
Поистине, тот Дэ реальной должен обладать,
Кто совершенствовать пытается себя.
Избыток Дэ имеет тот, кто совершенствует семью.

Кто улучшает город свой, Дэ сильной должен обладать.
Дэ плодотворна у того, кто с ней творит страну свою.
Стремится к Дэ всеобщей тот, кто мир дерзает исправлять.

Но лишь когда попробуешь ты что-то улучшать,
Объект заботы в полной мере сможешь ты познать.

Стремясь к пределу своему -
с пристрастием в себя заглянешь,
Семейный строя идеал, семью увидишь в новом свете.
Тщась исправлять свой город иль страну,
в них разбираться лучше станешь.
Желая мир улучшить, все познаешь на планете.

Лишь потому я знаю мира суть,
Что сам прошел весь этот путь.

Достигший Дэ новорожденному подобен.
Ребенка мир всегда благословляет,
Его и хищный зверь, и птица инстинктивно сберегают -
Хоть мал и слаб, предельно он жизнеспособен.
Ребенок цельности пример являет,
Еще не зная таинства полов соединенья.
Весь день шумит, не ведая изнеможенья -
В гармонии он с миром пребывает.

Для мудрого Гармония есть Постоянства соблюдение,
Познание Постоянства означает Просветление.
Жизнь, полная забот и приключений,
К успехам и к обогащению стремлений,
Мгновенья счастья нам дает,
Но вызывает лишний жизненной энергии расход.
Как ни хорош сей путь, он к Дао не имеет отношения.
Роскошное цветенье к увяданью быстрому ведет -
Несоблюденье Дао ускоряет смерти приближение.

Кто знает - не стремится объяснить.
Кто объясняет -
сам не понимает.

Когда сумеешь свои чувства остудить,
И перед внешним миром двери все закрыть,
И от привязанностей всех освободиться,
И резкость ощущений притупить,
И вместо вспышек жизни ровного сияния добиться,
И подавить мышления пустое мельтешенье -
Достигнешь с миром ты таинственного единенья.

Мудрец, его достигший, никому ни друг, ни враг,
Ни с чем не близок он и ничего не отвергает,
Не делает добра и зла не причиняет,
Он равнодушен и к презрению и к прославлению,

К утрате и приобретению
материальных благ.
И потому весь мир к нему относится с почтением.

Страной посредством установленных порядков управляют,
Поможет нестандартность в битве побеждать,
Но сможет миром целым обладать
Лишь тот, кто в недеяньи пребывает.

Действительно, запретов всяких умноженье
Обычно к росту бедности ведет.
Чем строже власти силою запреты охраняют,
Тем больше численность оружия растет
И смуту в государстве приближает.
Образование влечет
опасных новшеств появление,
И чем сложнее множество законов и постановлений,
Тем изощреннее преступность расцветет.

Вот почему правитель мудрый полагает,
Что если он движений резких избегает,
Все оптимально станет самоизменяться.
Все перекосы склонны сами выправляться,
Когда спокойствие носитель власти сохраняет,
И больше у людей возможностей обогащаться,
Когда им государство не мешает.
Коль государь свои желания и страсти подавляет,
Народ его начнет к естественности здоровой возвращаться.

При мягкой власти граждане простосердечны,
А строгости их заставляют в вероломстве изощряться.
В несчастье начинается счастье зарождаться,
В удаче корни бедствий будущих таятся -
К чему ведет круговорот их бесконечный?
Все правильное неизбежно станет извращаться,
Все доброе обречено в проклятье превращаться,
И заблужденья человеческие - вечны.

Поэтому правитель мудрый тверд, но не жесток,
Он прям и искреннен, но слабости людские понимает,
Придерживаясь нравственности, он от нетерпимости далек,
Он целеустремлен, но не любой ценою цели достигает,
И знаний свет его не ослепляет.

Чтобы людьми в согласии с законами Природы управлять,
Правитель должен сдержанность в своих поступках проявлять,
Предвидя противоречивых следствий появление.
Стараясь отрицательных последствий избежать,
Он должен Дэ свою всемерно умножать,
Тогда сопротивление

его намереньям не станет возникать.
Та власть иметь не будет внешнего ограниченья,
Которая благоразумную умеренность способна соблюдать.

Есть сходство государства с материнством:
Людей разрозненных оно скрепляет в целое единством,
И цель - существование вида продлевать.
Когда властитель это понимает,
Он материнскую ответственность на плечи принимает -
Тогда основу прочную и корни сильные имеет его власть,
Он сможет мира жизнь продлить и будущее прозревать.

Из мелкой рыбки вкусных блюд приготовление
Труда большого стоит и терпения -
И то же справедливо в отношенье
государственного управления.
Когда властитель в управлении стремится Дао соблюдать
То духи спешки, нетерпения и к мелочам пренебрежения
Ему в делах не смогут помешать,
И сам он подданным вреда не будет причинять -
Их Дэ сольются во взаимном умножении.

Известно, "все дороги в Рим ведут":
Великая держава - место сосредоточенья.
Как собираются в реке ручьев бесчисленных теченья,
И воды их единым целым в океан идут,
Так и людей разнообразные стремленья,
Найдя в державе центр объединенья,
Тем самым организм единый создают.

Держава, как жена, пассивностью ценна:
Влиянья внешние воспринимая,
Покорностью мужскую инициативность покоряя,
Пассивностью активность поглощая -
Всегда победы добивается она.

Большой державе в отношении маленького беспокойного соседа
Достаточно пассивной быть,
Чтобы соседа незаметно поглотить,
Когда же государство малое агрессору большому уступает,
И поглотить себя пассивно позволяет,
Оно при этом получает
Возможность новые ресурсы к старым присоединить.
Так все равно великая держава в результате возникает.

Объединение всем шансы новые дает:
Страна большая больше подданных приобретает,
А люди маленькой страны возможности, неведомые раньше, получают.
Так обе то, к чему стремились, обретают.
Уступчивость - к Величию ведет.

Суть сокровенную явлений Дао представляет -
Сокровище Добра, что в Не-Добре опору обретает.

Кто оценил бы хорошие слова
И благородство дел прекрасных,
Когда бы в качестве контраста
В себе самом не ведал зла?
За выездом роскошным из дворца
Чиновников сановных наблюдая,
Не лучше ли оценишь мудреца,
Что, скромно сидя, Дао постигает?

Не потому ли древние так Дао почитали,
Что меру ценности они в нем истинную обретали?
Богатства не стремясь приобретать,
Они свое несовершенство сознавали
И без насилия его старались преодолевать -
Тем самым Дао в Поднебесной возвышали.

Храни бездействие, покой предпочитая,
Прочувствуй вкус безвкусного занятия,
Найди в немногом много, малое большим считая,
И безмятежной Дэ ответь на гневные проклятья.
Берись за трудное, пока оно в зачатке,
Начни великое - от крошечных ростков.
Ведь возникают сложные проблемы из пустячных,
А путь великий состоит из маленьких шагов.

Мудрец великих планов не питает,
И потому как раз великое свершает.
Кто за дела легко берется, тот скорее подведет,
Кто видит только легкий путь, тот трудности найдет -
Но мудрый от любых задач всегда подвохов ждет,
И потому проблем неразрешимых не встречает.

Тем, что недвижно, просто овладеть,
А неопределившимся - легко распорядиться,
То, что непрочно, в пыль нетрудно растереть,
А мелкое успешно распылится.
Работай с тем, что еще даже не успело появиться,
Порядок раньше наводи,
 чем призрак смуты удастся усмотреть.
Из желудя дуб вырастает в два обхвата толщиной,
Большая башня с кучки начинается земли,
И путь длиной во много сотен ли
Берет начало под твоей ногой.

Активный - портит дело, а стяжающий - теряет,
Поспешный - на краю успеха поражение встречает.

Мудрец не действует, и потому не терпит неудачи.
Он, не имея, не теряет и не рвется стать богаче.
В конце работы, как в начале, осторожность проявляет,
И потому успешно дело завершает.
Желает мудрый нежеланья,
Не ценит то, что ценит большинство,
Он учится тому, что выше пониманья,
И возвращается к тому, что оставляют люди без вниманья.
Поддерживая самопроизвольное вещей всех естество,
На них не смеет он оказывать влиянья.

Те древние, что Дао в совершенстве постигали,
Старались ограждать простых людей
От знания о действиях властей -
В неведении о методах правления народ свой оставляли.
Ведь часто разоряется страна,
Когда народ о власти слишком много знает,
В то время, как в благополучии держава пребывает,
Когда без гласности излишней управляется она.

Правитель, что закономерность эту понимает,
Пример разумного подхода к делу проявляет.
Чтоб этот идеал успешно применять,
Необходимо Дэ высокой обладать.
Способность мыслить глубоко и широко Дэ представляет,
Во всем ее носитель сможет противоположность прозревать,
И потому к единству и согласию все вещи возвращает.

Способны реки и моря долин хозяевами быть,
Лишь потому, что вниз стараются стекать.

Кто хочет положение высокое занять,
Тот должен снизу вверх с народом говорить,
А тот, кто хочет первым быть,
Демонстративно сзади должен встать.
Когда мудрец так поступает,
Попав наверх, он бремени собой не представляет,
И, даже оказавшись впереди,
Не кажется помехой на пути.
Его вперед охотно люди выдвигают,
И в неприятностях своих не обвиняют.
Ни с кем не борется мудрец, и потому
Достойных конкурентов нет ему.

Не вечно никакое отношение.
Все, что имеет меру для сравнения,
Значенье измерения со временем теряет,
И с мерой отношение на противоположное меняет:
Что было меньше, станет больше,
а большое - время уменьшает.
Вот потому величье Дао непоколебимо,
Что с ним ничто в реальном мире несопоставимо.

Но все ж три вещи для меня особенно ценны:
Самоотверженность в любви, что мужество дает,
Нерасточительность ни в чем, что к щедрости ведет,
И скромность, что приносит власти уважение страны -
Гармонию баланс противоречий создает.
Кто к щедрости иль храбрости баланс смещает,
Иль в упоеньи властью скромность забывает,
Того гибель неизбежно ждет.
Любовь всегда в бою победу принесет
И в обороне неприступно защищает.
Того, кто любит - Небо охраняет.

Опытный воин - не рвется в сражение.
Грозный боец над собой не теряет контроля.
Умный стратег в поединок не вступит на поле.
Лидер великий, желая людей подчинить своей воле,
Не остановится перед своим унижением.
Это - талант побеждать без насилия,
Это - искусство людьми управлять без усилия,
С Небом и опытом древности соединение.

Гласит войны искусство: "Сохраняй возможность для движения:
Чем, стоя, "принимать гостей", полезней "гостем" быть.
Чем явно двигаться вперед, полезней отступить.
Передвигай войска, скрывая их перемещение,
Готовься, но не проявляй приготовления,
И в пустоту заставь врага удары наносить -
Все это средства, не сражаясь, победить."

Но нет опасней слабого врага:
Когда победа кажется легка,
Легко о правилах необходимых забываешь -
И то, что ценишь, потеряешь.

Когда сойдутся армии, и битва закипит,
Тот, кто об этом сожалеет, победит.

Мне кажется, я говорю так просто, и ясны мои стремления -
Но не встречаю понимания ни в ком.
Проблема в том,
Что речи и дела - лишь внешние сознания проявления.
Истоки их - души невыразимые движения,
То, что никто не в силах непосредственно понять в другом.

Нам уникальность цену поднимает,
Она же трудности в общение привносит -
И мудрый тщетно драгоценность в сердце носит,
А люди только грубые одежды замечают.

Знать о своем незнании - большое достижение.
Не знать пределы знания - познания беда.
Страдание от понимания беды приводит к уменьшению вреда:
Мудрец осознает происхождение возможных заблуждений,
И потому в ошибки не впадает никогда.

Когда насилием народ к повиновенью принуждают,
Обратную реакцию обычно вызывают:
За угнетенье люди воздают презрением.
Когда же не на страхе держится правление,
Оно поистине величья достигает.
Правитель мудрый, силу власти понимая,
Ее демонстративно никогда не проявляет,
Не жаждет преклоненья, самоуваженье сохраняя -
Он эффективность мишуре предпочитает.

Не знающий страха, кто действовать смееет,
На смерть и себя, и других обрекает.
А скромный и кроткий, кто страха не знает,
От смерти спасти и спастись умеет.

Обоими движут благие стремленья,
Но необъяснимы Небес предпочтенья:
Добро или зло в результате случится,
Мудрец предсказать никогда не решится.

Судьба без борьбы храбрецов побеждает,
Приходит без зова, без слов отвечает,
Без плана раскинуты редкие сети -
Но их не минует никто на планете.

Не стоит людей страхом смерти пугать:
Нет смысла бесстрашный народ устрашать,
А коль население смерти боится,
Но кто-то закон все ж нарушить стремится,
То чтоб уваженья людей не лишиться,
Придется угрозу свою исполнять,
Хватать нарушителей и убивать -
А сможешь ли ты на такое решиться?

Есть Тот, кто всегда принимает решение -
Извечно выносит Он свой приговор
И сам же приводит его в исполнение.
Не стоит хватать самозванцу топор.
За Мастера Смерти пытаюсь рубить -
Лишь руки рискуешь себе повредить.

Из-за грабительских налогов люди голодают.

Настырность в управлении восстанья вызывает:
Когда народу нечего терять,
То не боятся люди умирать,
Ведь все равно их жизни власти пожирают.

Когда правитель жизнь свою чрезмерно ценит,
Он объективно цену жизни уменьшает.
Лишь тот, кто искренне собой пренебрегает,
Придать способен ценность жизни в целом.

Слаб человек, пока живет,
Податлив, мягок, уязвим -
Но станет нежный организм
Сух, прям и тверд, когда умрет.

Все существа к тому идут:
Гибки и слабы жизнь начнут -
Окончит путь сухой костяк.
Так нежность - жизни атрибут,
Сухая твердость - смерти знак.

Тупую силу ждет позор.
На крепкий дуб готов топор.
Что мощно, твердо - вниз идет.
Лишь слабость гибкая растет.

Когда боец натягивает лук,
Он тетивой конец высокий пригибает,
А нижний угол поднимает.
Чем он сильнее тетивы излишек выбирает,
Тем более размах движенья рук -
И больше грозное усилие упругих дуг.
И так же Дао поступает:
Чтоб эффективно миром управлять,
Старается избыток всякий убавлять,
А недостаток восполняет.

Противоречат Дао лишь обычаи людей,
Что отнимают у того, кто победней,
А отдают тому, кто без того богат.
Лишь тот, кто пониманьем Дао обладает,
Своим излишком поделиться с миром рад,
Хоть помощи мудрец ни от кого не ожидает.
Он делом совершенным не гордится
И получить признание не стремится.

Нет ничего податливей и мягче, чем вода -
Но победить она способна твердое всегда:
Воздействие любое, не отталкивая, принимает
И силу поглощает без следа.

О том, что мягкое способно твердость победить,
А слабость силу может покорить,
Наверно, всякий в мире знает,
Но мало кто на деле применяет.

И тщетно мудрый повторяет,
Что государь хорош лишь тот,
Кто на себя позор страны, не дрогнув, принимает,
И все несчастья государства на себя берет -
Парадоксальность истины как ложь воспринимают.

Когда приходится свое негодование смирять,
То все равно в душе обида остается,
И злом она когда-то неизбежно обернется -
Нет блага в том, чтобы людей к смиренью принуждать.

Предпочитает мудрый на себя обязанности брать,
Чем требовать чужих обязанностей соблюдения.
Носитель Дэ считает главным выполнение соглашения,
Там, где другой стремится только прибыль получать.

Бесстрастно Дао и любимчиков не выделяет -
Судьба благоволит тому, кто долг свой исполняет.

Мечтаю я о маленькой стране,
Где мало жителей, и все друг другу рады.
Своим существованием довольные вполне,
Они боятся смерти, и стран дальних им не надо.

У них все есть, чтоб зависти не знать,
Но негде инструменты применять.
И лодки есть у них, и колесницы,
Но путешествовать никто в них не стремится.
Хоть есть вооруженье для успокоенья,
Но нет к завоеваниям стремленья.
Отринув все изобретенья мудрецов,
Они вернулись вновь к обычаям отцов.

Простая пища их была бы мне сладка,
Одежда домотканная казалась красна,
Жизнь в их домах спокойна и легка,
А их обычаи прекрасны.

Пусть до страны соседней был бы только шаг,
И я бы слышать мог оттуда лай собак,
Я жил бы много лет, с людьми чужими не общаясь,
До смерти никуда не уходя и никуда не возвращаясь.

Речь верная красивой не бывает,
Красивые слова не убеждают.

Достоинство себя не в споре выражает,
Кто спорит - истиной не обладает.

Познание истины - не есть образование,
А сумма сведений - еще не знание.

Кто тупо копит знания, ума не проявляет.
Мудрец, чем больше отдает, тем больше обретает.

Как Дао Неба - миру жизнь давать, не принося вреда,
Так Дао мудрого - творить и не вступать в дебаты никогда.

ПРИМЕЧАНИЯ

К главе 1.

Моя версия этой главы основана, главным образом, на следующем варианте перевода:

"Дао, которое может быть выражено словами, не есть истинное дао. Имя, которое может быть названо, не есть истинное имя. Безымянное есть начало неба и земли, обладающее именем мать всех вещей. Поэтому, кто свободен от страстей, видит его [дао] чудесную [тайну], а кто имеет страсти, видит его только в конечной форме. Оба они одного и того же происхождения, но с разными названиями. Вместе они называются глубочайшими. От одного глубочайшего к другому дверь ко всему чудесному." [4]

В отличие от популярного мнения, что здесь под "безымянным" и "имеющим имя" подразумеваются и противопоставляются Дао и Дэ, я предполагаю, что в этой главе имеется в виду буквально то, что сказано. А именно: что истинное Дао не может быть выражено словами, т.к. никакое слово (имя) не отражает полностью объективную реальность, потому что именем может быть названа лишь какая-нибудь "вещь", что-то определенное, имеющее определенные границы и признаки и находящееся в определенных отношениях с другими "вещами" - что всегда является некоторой абстракцией по отношению к любому реальному объекту. Говоря словами В. Гейзенберга, "каждое слово или понятие, каким бы понятным оно ни казалось, может найти лишь ограниченное применение".

Действительно, процесс именования основан на процессах классификации, основанных, в свою очередь, на операциях сходства и различия, связанных с выделением существенных признаков и пренебрежением несущественными. Поэтому классификационная структура знаний об окружающем мире, зафиксированная в языке и выработанная человечеством в процессе многовековой истории создания языка - есть лишь некоторая ограниченная модель, достаточно хорошо, но не совершенно полно и точно отражающая

действительность: "карта не есть местность".

Эта модель является и результатом и мощнейшим средством рационального познания, позволяя "встраивать" каждое новое понятие в существующую структуру посредством языкового описания. Однако она же и ограничивает возможность познания сложных сущностей, объективно лежащих вне этой структуры и не доступных рациональному анализу, но доступных непосредственному интуитивному восприятию. Два метода познания - рациональное и интуитивное, анализ, доступный языковому описанию, и непосредственное целостное восприятие - эти два метода, и два знания о мире, полученные с их помощью, и есть, по моему впечатлению, те самые два "глубочайших", говорящих об одном, но по разному.

Мне кажется очень логичным, что человек, приступая к изложению сложной теории, первым делом предупреждает читателя о принципиальной ограниченности языка. Однако, поскольку дальше идет текст, именно выраженный словами, автор дает рекомендации, как, тем не менее, понять его суть. А именно: т.к. обычный человек, "имеющий страсти", видит вещи только в конечной форме (доступной описанию и анализу), а свободный от страстей способен воспринимать скрытую за конечными проявлениями глубинную сущность природы, - освобождение от страстей предлагается как средство перейти "от одного глубочайшего к другому", т.е. от текста, выраженного словами, и полученного из него рационального знания - к непосредственному интуитивному осознанию той сущности, которую этот текст пытается, но не в силах объяснить. И тогда перед тем, кто сумеет совершить такой переход, откроется "дверь ко всему чудесному".

Аналогичное понимание этой главы мне встречалось в книге Ф. Капры "Дао физики" и в комментарии С. Розенталя "The Tao and its name", так что я, по крайней мере, не одинока в своем мнении.

К главе 6.

"Дух горной лощины не умирает,
он есть Неведомая Праматерь, что скрыта во тьме.
Неведомая Праматерь - это проход,
она является корнем Неба и Земли..." [3]

Чешем в затылке, и ищем другие переводы :-):

"Пустота [дао] бессмертна, и [я] называю ее глубочайшим началом.
Вход в глубочайшее начало зову корнем неба и земли." [4],

"Превращения невидимого [Дао?] бесконечны. [Дао] - глубочайшие
врата рождения. Глубочайшие врата рождения - корень неба и
земли." [1]

Ага! "Врата рождения", конечно, объединяют и Неведомую
Праматерь, и вход, и проход - все вместе, вероятно,

ассоциировалось у древних людей с матриархальными космогоническими представлениями, но современному читателю, чтобы адекватно понимать эту символику, нужно три страницы комментариев. (Предельное выражение такого перевода, из тех, что мне попались:

"Ложбинный дух бессмертен, его называют Сокровенной Самкой.

Врата Сокровенной Самки -- Корень Неба и Земли..."

[Торчинов])

Противоположное предельное выражение перевода без всяких ассоциаций с женским началом:

"Бесконечные превращения пустоты - глубинная основа всего

Глубинная основа - корень Неба и Земли" [2]

Этот перевод особенно пленяет почти дословным совпадением формулировки с положениями современной теоретической физики - жаль только, что в нем полностью исчез образ "двери", "входа", "врат" - ведь в большинстве вариантов не сама пустота, а именно вход в нее называется "корнем Земли и Неба". А что такое "вход в пустоту", как не граница между существованием и небытием - место, или метод, или процесс перехода между полем неосуществленных возможностей и существующей реальностью? Ведь именно способность инициации такого перехода - от небытия к бытию, от отсутствия чего бы то ни было к новой жизни - и осознавалась в древности, вероятно, как женское, материнское начало. Мне кажется, что формулировка "бесконечные превращения пустоты" если и отражает эту идею, то не вполне отчетливо.

Поэтому я посчитала необходимым сохранить в своем варианте образ "врат" и даже "врат рождения", но внести от себя уточнение "врата из "может" в "есть" ", чтобы сдвинуть смысл от мифологического или религиозного к более физическому.

К главе 10.

"Если душа и тело будут в единстве, можно ли сохранить его?"

[1]. Не знаю, как это звучит по-китайски, но по-русски вопрос в такой форме производит впечатление сомнения - словно вопрошающий не знает или сомневается, можно ли сохранить единство или нельзя.

"Если созерцание станет чистым, возможны ли тогда заблуждения?"

[1] - это даже скорее предполагает отрицательный ответ. В любом случае, читатель остается в недоумении, что же хотел сказать автор - так возможно или нет?

Картина понятнее, когда вопрос задается во втором лице:

"Достигнув единства души и тела, сохранишь ли его?"[2] (Именно такая форма встречается почти во всех английских переводах - не возможно ли вообще, а "Ты - можешь?"). Когда после нескольких подобных вопросов идет ряд рекомендаций в повелительном наклонении - такая конструкция имеет смысл, если на вопросы даны положительные ответы. "Да, я - могу стать подобным младенцу, могу очистить темное зеркало своей души до состояния без пятен..." - "Ну тогда рождай, воспитывай, создавай и так далее - это и будет истинным Дэ". Логично?

Исходя из этих соображений, я посчитала возможным заменить вопросительную форму условной: "если ты уже можешь и то, и это, то действуй дальше так и так, и вот тебе Дэ". Инструкция продвинутым ученикам :-).

"Можно ли любить народ и управлять страной, не прибегая к мудрости?" [1]. "Любить людей и управлять государством, можно ли здесь обойтись без познаний?" [3]. "In loving the people and ordering the state, can you fail to know?" [Hansen] - согласитесь, маловероятно, что на эти вопросы предполагались положительные ответы.

Другой вариант: "Любя свой народ и не мудрствуя лукаво, сможешь ли управлять им?" [2], "... управление страной осуществляются без умствования" [4], "...вести себя без ухищрений" [Rosenthal] и даже "... avoid over-manipulation?" [Muller]. Такой перевод кажется мне более правдоподобным и соответствующим остальному тексту: рекомендуется править не без знаний или, тем более, мудрости, а без чрезмерного умствования, интриг и манипуляций.

"Небесные врата то открываются, то закрываются, может ли это происходить без участия женского начала?" [3]. "In opening and closing the gate of Heaven: can you be the female?" [Muller] и многие др.

Небесные врата мы уже проходили (см. примечание к главе 6), они понимались, вместе с "female", как граница (или средство перехода) между бытием и небытием. Т.к. даже самый мудрый даос вряд ли умел делать что-то из пустоты и обратно, вероятно в этом контексте "бытие и небытие" можно понимать как "жизнь и смерть", тем более, что этот кусок следует сразу за пассажем об управлении страной. Если не мудрецу в соломенной хижине, то уж правителю всяко случается "открывать и закрывать небесные ворота" - и при этом предлагается действовать подобно Великой Матери или другому какому "женскому началу". Как именно? "Врата мира открываются и закрываются при соблюдении спокойствия" [4]. Формулировка "спокойно давать жизнь и смерть" показалась мне чересчур жестокой - я написала "бесстрастно": мне кажется, это больше соответствует образу Богини-Матери, хозяйки жизни и смерти, примеру которой должен следовать мудрец.

В других переводах, где женское начало никак не упоминается, упоминаются зато мягкость и доброта. Ну... у кого какие ассоциации :-)

К главе 13.

Первая половина этой главы во всех переводах примерно по смыслу совпадает, дальше у всех идет "следовательно" ("поэтому", "таким образом") - а вот дальше кто во что горазд. Если многие русские переводы еще, видимо, друг на друга более-менее опирались, то у англичан просто полный разброд. (Приводить здесь все варианты слишком долго и лениво)

У меня сложилось впечатление, что в китайском оригинале в

этом месте то ли что-то утеряно, то ли искажено за две тыщи лет - короче, что-то мешает перевести осмысленно и однозначно. Поэтому бедные переводчики, ориентируясь на "следовательно", просто пытаются, в меру своих сил, предложить какой-то логичный вывод из данной предпосылки - не совсем, конечно, произвольно, а опираясь на отдельные смысловые точки, которые им удалось извлечь из оригинального текста.

Я в общем поступила так же: ни один из элементов моего варианта не взят с потолка, все они поодиночке встречались во многих переводах, но в разных сочетаниях. Я просто собрала все вместе, как детали головоломки, и постаралась сложить из них осмысленный текст. Дырок вроде нет - а если остались "лишние детали" - не обессудьте :-)

К главе 16.

В подавляющем большинстве переводов заключение этой главы звучит иначе: "Познавший постоянство станет восприимчивым, восприимчивость ведет к справедливости, справедливый может стать правителем, правитель следует Небу, Небо следует Дао, следующий Дао не погибнет, даже когда тело его умрет" (это некоторое "среднеарифметическое" из десятка переводов).

Мой вариант основан на единственном (известном мне) альтернативном переводе Кувшинова:

Познав извечное вместилище всего,
поймешь, что оно и есть "всеобщая казна",
что эта казна и есть верховный правитель,
что этот правитель и есть Небо,
что Небо и есть Дао,
что Дао и есть неизбывное, вечное.
Оно утратило свое тело, свое "я",
и потому его жизненные силы неисчерпаемы. [3]

Хотя меня несколько смущает низкая "рейтинговая оценка" этой трактовки (1:10), я, тем не менее, на ней остановилась, потому что, по крайней мере, логика этой мысли мне понятна: закон, уравнивающий судьбу всего - и есть высшая справедливость, закон, которому подчиняются все и вся - и есть высший правитель, этот закон и есть Дао, которое одно не подлежит общей судьбе, т.к. не имеет "тела".

К главе 20.

"Когда будет уничтожена ученость, тогда не будет и печали" [1]. "Ученые отринуть - забот не иметь"[6]. "Get rid of "learning" and there will be no anxiety" [7] и т.п.

В переводе этой фразы я совершенно сознательно обратилась ко всему комплексу ассоциаций, которые связаны у русскоязычного читателя со словами "горе от ума". Одиночество в толпе, неприкаянность, неприспособленность, непонимание и отторжение со стороны общества, глупость, бесполезность и безответственность в

глазах окружающих... Все это присутствует и в 20-ой главе "Дао дэ цзина" - в разных сочетаниях и с разными акцентами, но во всех переводах. Как удивительно, что талантливые люди, разделенные непредставимой пропастью времени, пространства и культур, сталкивались в своей жизни с одинаковыми проблемами и испытывали одинаковые чувства - словно эхо через тысячи лет!

Я далеко не уверена, что мне удалось в своем варианте текста все эти чувства в полной мере и адекватно отразить - поэтому набралась наглости опереться для поддержки на глыбищу великой русской литературы :-).

К главе 21.

"Образы великого дэ подчиняются только дао." [4], "The form of great virtue is something that only the Tao can follow." [7], "The omnipresent Virtue will take shape According only to the Way." [8], ... - короче говоря, Дао определяет форму (или форму проявления) Дэ.

Однако: "Содержание великого дэ подчиняется только дао." [1], "Непостижимое Дэ - это то, что наполняет форму вещей, но происходит оно из Дао." [3], "Конфуцианская Дэ состоит в неукоснительном подчинении Дао." [6], "The content of permeating virtuosity is merely following a guide." [9], ... - т.е. Дао определяет содержание Дэ.

Есть еще вариант "Всеобъемлющий характер Потенции пространства определяется лишь тем, что вытекает из Пути." [5], т.е. Дао определяет не форму и не содержание Дэ, а его "всеобъемлющий характер" - это, конечно, остроумный выход из положения, хотя все равно "всеобъемлющий характер", пожалуй, ближе к форме. Судя по всему, в этой фразе как-то фигурируют и форма и содержание в комплекте с Дао и Дэ - но если уж переводчики не могут договориться, что там что, то не мне же это решать? На всякий случай, я написала, что Дао определяет и то, и другое - и пусть кто-нибудь попробует поспорить :-)!

"Эти тончайшие частицы обладают высшей действительностью и достоверностью." [1], "Его семена совершенно достоверны" [4], "Его семя является совершенно сущим. А в сердцевине - наличие веры." [5], "Семя Его - неизмеримо подлинно. Его Средоточие - Доверительно." [6], "The essence is so real--therein is belief." [7], "Within it there is reliability" [9]...

Практически во всех переводах в отношении "тончайших частиц" или "семян", содержащемся в Дао, применяется эпитет, однокоренной со словом "вера" - "вера", "достоверность", "доверительность"... Это выглядит довольно странным, т.к. все эти понятия предполагают наличие какого-то субъекта - того, кто верит или может сомневаться. Не очень понятно появление подобного термина в данном контексте, где речь идет о чем-то, существовавшем явно до всяких субъектов.

Однако, чрезвычайно любопытно, что мера возможной реальности чего-то, что еще не существует или не случилось, но может случиться или существовать - выражается в современном русском

языке словом, тоже однокоренным с "верой" - "вероятность". Был чрезвычайный соблазн как-то обыграть это обстоятельство: представляете - "тончайшие частицы, реальные с присущей им вероятностью"... Эх! Все-таки я не решилась так уж сильно навязывать тексту свои аллюзии - мне остается только надеяться, что выражение "потенциальная реальность" как-то смутно ассоциируется и с вероятностью, и с достоверностью :-).

"Именованье, необходимое, как инструмент познания..." - см. примечание к главе 1.

К главе 29.

Удивительно, но эта простенькая на первый взгляд глава имеет аж целых четыре принципиально различных трактовки.

Первая часть, где речь идет о мире как священном сосуде, встречается в двух вариантах:

1) "Если кто-нибудь тронет [его], то потерпит неудачу." [1], или даже "Воздействующий - обречен." [6], а также аналогично [3], [4], [5]

- и второй вариант:

2) "Тронешь его - разобьешь" [2], а также [7] - [11].

Разница очевидна: в первом варианте мир хорошо защищается от внешних воздействий, а во втором мир - сосуд хрупкий, пытаюсь воздействовать - испортишь. (Любопытно, что первую точку зрения поддерживают почти все, кроме [2], русскоязычные переводчики, а второй придерживаются ВСЕ англоязычные - что значит национальное отношение к экологии :-))

Вторая часть также имеет две трактовки:

1) "Одному дано вести, другому -- идти следом/Одному цвести, другому сохнуть/Одному крепнуть, другому слабеть/Одному строиться, другому рушиться" [2], и аналогично [1], [3], [4], [6], [8], [10];

- и второй вариант:

2) "Sometimes you lead/Sometimes you follow/Sometimes you are stifled/Sometimes you breathe easy/Sometimes you are strong/Sometimes you are weak/Sometimes you destroy/And sometimes you are destroyed." [7], а также [5], [9], [11].

Разница также принципиальна: в первом случае - кому что на роду написано: кому управлять, кому подчиняться... ; во втором случае - все течет, все изменяется, и сильный становится слабым, и наоборот...

Сочетание этих вариантов и дает четыре совершенно разных представления о мире:

1-1) мир - это нечто весьма устойчивое, что поддерживает неизменный порядок само и не поддается воздействию извне;

1-2) мир не поддается изменению извне, но сам постоянно изменяется;

2-1) в мире поддерживается неизменный совершенный порядок, но он хрупок, и пытаясь управлять, можно все испортить;
2-2) мир - это что-то текучее и переменчивое и, одновременно, хрупкое и уязвимое.

В отношении второй части у меня нет сомнений, что второй вариант более согласуется с мыслями, высказанными в разных других главах (например, гл. 22 или 58). Но с первой частью не так просто. Что здесь сказал Лао Цзы - что бесполезно пытаться воздействовать на мир - или опасно? Интуитивно мне кажется, что первый вариант логичнее связывается с другими частями главы - но четко обосновать это я не могу, поэтому оставляю этот вопрос на суд читателя.

К главе 32.

"...the problem of 'guessing the missing words', which, it may be said, is a primary function of the translator of any work such as this." [11, Preface]

Каюсь, в этой главе, чтобы свести концы с концами, мне пришлось вставить очень много "пропущенных слов" :-(... Я честно стремилась к идеалу "речи, которая не требует пояснений" (см. гл.27) - но это, почему-то, получилось за счет объема.

В частности, вся моя третья строфа изображает одну фразу оригинала: "При установлении порядка появляются имена.", а четвертая строфа - две фразы: "Поскольку возникли имена, нужно знать предел. Знание предела дает возможность избавиться от опасности." [4].

Я могу только снять шляпу перед лаконичностью Лао Цзы - вот кто, поистине, "знал предел" и успешно избежал опасности многословия :-)...

К главе 35.

Одна из глав, в которых основным источником трудностей для переводчика является свобода :-). Разнообразие трактовок пересекается по следующим точкам:

- 1) великий образ (образец, пример, форма) - которого держится мир или автор, или предлагается держаться читателю, или воплощением которого является "мудрый";
- 2) движение, Вселенная (Поднебесная, народ и т.п.) и отсутствие вреда - при этом имеются все комбинаторно возможные варианты, что куда движется и кто кому не причиняет вреда. В частности, Вселенная движется к мудрому (постигшему великий образ), и он ей не причиняет вреда ([1], [2]) или благодаря этому устраняются бедствия [13], или мудрый, вслед за миром, следует великому образцу и не причиняет себе вреда [3], или Поднебесная уходит от того, кто держится великого образа, неповрежденной [6], или уходит от него же, не причиняя ему вреда [5], или проходит, не повреждаясь, следуя великому образу [7], или движется, не вредя [9] - и т.д. ...;

3) мир и покой - опять таки, то ли все дружно движутся к покою, то ли мудрый дарит покой Поднебесной, которая к нему приходит, то ли она уходит к покою, оставляя мудрого с "образцом", то ли, когда мудрый достигает покоя, Вселенная уходит (хорошо хоть, неповрежденной :-)) - и т.д. ;

4) музыка (радость, праздник), пища, путник и привал. Здесь разнообразие поменьше, большинство переводчиков склоняются к трактовке, что только (или именно) ради музыки и пищи путник делает привал. Вариант - тот самый мудрый, который держится великого образа, после движения (вслед за Вселенной или от нее) достигает покоя, отчего "радостью напивается" ([3],[6]);

5) к счастью, концовка не вызывает таких разногласий: "когда Дао выходит из рта, оно тонко и безвкусно, вглядываясь, его не увидишь, вслушиваясь, его не услышишь - зато используя, не исчерпаешь".

Помочь здесь может только логика. Несмотря на разноречивые переводы, бросается в глаза гармоничный баланс противопоставлений: движение - и покой, движение Вселенной - и путник на привале, музыка и пища у путника на привале - и безвкусное, невидимое, неслышимое Дао. И как рамка - "держишься великого образа" в начале и "используя, не исчерпаешь" в конце. Логично предположить, что вся серединка как-то представляет собой пример "использования" Дао. Выбор небогат - покой, музыка и пища. При этом насчет музыки и пищи явно указано, что в Дао их не найти - значит, единственным примером "использования" остается только покой. Правда, "музыка" некоторыми переводчиками понималась как "радость" - можно предположить и что, черпая радость в Дао, ее не исчерпаешь. Несколько особняком стоит отсутствие вреда - но, находясь между движением Вселенной и покоем, оно, скорее всего, к покою по смыслу и относится, составляя вместе с ним цель или причину движения. Тогда получается новая пара противопоставлений: "отсутствие вреда, мир и покой - как цель движения" и "музыка и пища - как цель остановки". С другой стороны, остановка сама по себе тоже, в некотором смысле, покой. Если считать, что ценность остановки - в пище, музыке и покое, то дальнейшие строки должны интерпретироваться как "пищей и музыкой Дао не является, но покой неисчерпаемый". Но тогда оказывается, что и движение - к покою, и остановка - ради покоя: красота баланса нарушается. Если же считать, что цель остановки - кроме пищи, в радости - то и ценность Дао в радости. Движемся от вреда и к покою, останавливаемся лишь ради пищи и радости, пищи в Дао нет, но радость - есть. Следуя примеру Дао - вечное движение, в Дао же - радость остановки.

Натянута, конечно - но, вероятно, не более, чем другие трактовки.

К главе 42.

"Сильные и жестокие не умирают своей смертью. Это в моем учении главное" [2] Если социальные выводы этой главы сформулировать как "кто подвергает насилию других, тот сам подвергнется насилию" - то получается не только слишком

примитивно, но и вообще не верно. Каждый может привести массу примеров, когда насилию подвергались самые безобидные люди, а кровавые тираны мирно умирали в своей постели. Однако если рассматривать это утверждение в контексте общефилософской посылки о постоянном уравнивании Инь и Ян, то кажется логичным, что чем больше кто-то усиливает, например, Ян, отталкивая для этого Инь, тем больше он испытывает Инь-притяжение и Ян-отталкивание. Этаким принцип маятника - чем больше отклонение от точки равновесия, тем больше возвратная сила. Чем дальше оттолкнешься, тем сильнее тебя потянет в направлении, откуда отталкивался, т.е. толкнет с той стороны, куда стремился. Именно в этом я вижу "отражение".

"Чему люди учат, тому учу и я." [5] В примечании к этой главе Б. Виноградский указывает, что "в оригинале стоит местоимение первого лица, но по нашему мнению данный текст не является личностным и в нем нет самоназвания". Я с этой точкой зрения согласна: фраза "чему другие меня учат, тому и я буду учить" не отражает личную позицию автора, а, скорее, иллюстрирует его мнение о порядках, господствующих в обществе (тот самый "принцип маятника") - так же, как, например, поговорка "ты начальник - я дурак" никогда не выражает чье-то личное о себе мнение, а является пародийной формулировкой принципов общественных отношений.

К главе 49.

Эта глава распадается на 3 части. Первая часть:
"Совершенномудрый не имеет постоянного сердца. Его сердце состоит из сердец народа." [1] Разные переводы этой фразы более-менее согласуются, с незначительными вариациями. (При этом Б. Виноградский даже ссылается в примечании на юнговскую концепцию "коллективного бессознательного")

Вторая часть: "Добрым я делаю добро и недобрым также желаю добра. Это и есть добродетель, порождаемая дэ. Искренним я верю, и неискренним также верю. Это и есть искренность, вытекающая из дэ." [4] Эта часть также не вызывает особых разногласий.

Третью часть я, для просвещения читателя, приведу во всех имевшихся у меня 8-и различных вариантах. Англоязычные варианты приведу в возможно более дословном переводе.

[1]: "Совершенномудрый живет в мире спокойно и в своем сердце собирает мнения народа. Он смотрит на народ, как на своих детей."

[3]: "Мудрый живет в Поднебесной, льстецы, чьи сердца подобны сточной канаве, также живут здесь; и все люди имеют глаза и уши, чтобы видеть и слышать, но только мудрый внимает всему, как дитя."

[5]: "Человек мудрости в пространстве Нисхождения Небес воспринимает-впитывает, осуществляя Нисхождение Небес в завихрении своего сердца-сознания. Сто родов всегда направляют внимание в свои уши и глаза. Человек мудрости всегда ограждается от этого"

[6]: "Постигший живет Поднебесною. Сердца лебезящих пред власть

имущими Ее замутняют. Постигший относится к ним как к детям."

[7]: "Когда мудрость живет среди людей, она гармонизируется с ними и скрывает от них свой ум. Мудрый относится к ним как к своим маленьким детям".

[8]: "Мудрый, будучи "вне", беспристрастен к миру, не делит и не судит. Но люди везде высоко ценят его глаза и уши, т.к. он видит и слышит так, как это делают маленькие дети."

[9]: "Мудрый в социальном мире как изгнанник. Действуя для мира, он только замутняет (запутывает) свой сердце-ум. Мудрые - "дети" сами."

[10]: "Мудрый живет в гармонии с миром, и его разум - это мировой разум. Поэтому он заботится о мирах других, как мать о своих детях."

[11]: "Он скромн и пуглив, чем вводит в заблуждение (запутывает) других людей. Они смотрят на него, как могли бы смотреть на ребенка, и иногда слушают его слова."

Здорово, да? Пусть кто-нибудь попробует сказать, что мой вариант не "в пределах погрешности" :-)! Тем не менее, попытаюсь изложить ход своих рассуждений.

Несмотря на разнoбой, отдельные элементы повторяются в разных переводах. В частности, в нескольких переводах повторяется, хоть и в разных контекстах, образ "запутывания", "замутнения", "загрязнения" : у [3] лъстецы имеют сердца "как сточная канава", у [6] сердца лъстецов замутняют Поднебесную, у [9] мудрый путает себя, работая для мира, и у [11] мудрый запутывает других своим поведением. Одновременно можно провести параллель между переводами [1] и [5] - у [5] термином "Нисхождение Небес" переводится то же, что другие переводят как "мир", "Поднебесная" или "народ" - таким образом в обоих переводах мудрый собирает в своем сердце (еще и с "завихрением") что-то со всей Поднебесной.

Эти все идеи имеют нечто общее: при всей противоположности, сердце мудреца, в котором он "собирает мнения народа", и сердце лъстеца "как сточная канава" объединяет смутный образ этакoго вихревого стока, всасывающей воронки - и все прочие "замутнения" и "запутывания" можно свести к тому же.

Таким образом, беря только элементы, которые попадаютс более двух раз, получим, как минимум, сердце (разум) мудреца, Поднебесную, вихревой сток, глаза и уши (или смотреть и слушать) и ребенка. Очевидно, что этого недостаточно, чтобы сделать какой-то обоснованный вывод, необходимо привлечь дополнительные соображения. Однако я сознательно старалась избегать использования любой информации, внешней по отношению к тексту - поэтому остается только обратиться к другим главам.

Редкостный разброс трактовок сразу напомнил мне главу 13, в которой была такая же петрушка - как ни странно, и по содержанию эти главы схожи. В главе 13 речь тоже идет о мудреце, который отождествляет себя с миром, в результате чего и не ждет от мира пакостей. С другой стороны весь пассаж "на добро добром, и на зло - добром" явно противоречит главе 42, где приводятся противоположные примеры: как ты к миру, так и мир к тебе. Но

глава 42 согласуется с первой частью главы 13, где говорится об опасности противопоставления себя миру. Таким образом, можно предположить, что в главах 42 и 49 в более развернутой форме повторяется та же мысль, что и в 13-ой главе в целом: тот, кто находится в оппозиции к миру, получает от него "ответные удары", в отличие от того, кто все любит и принимает, "не делит и не судит". При этом заключение главы 13 говорит об ответном доверии к такому мудрецу со стороны мира (что также согласуется в главой 23), а глава 49 говорит о возможности его личного духовного совершенствования.

Как же достигается это совершенствование? В главе 28 мудрому настойчиво рекомендовалось стать "руслom ручья" или "ущельем", которое я тогда посчитала возможным интерпретировать как ложбину между "пиками" полярных качеств - точку их диалектического объединения и перехода друг в друга. Теперь, в дополнение к "руслу ручья" (которое, по моим впечатлениям, также попортило немало крови переводчикам) появился еще более яркий образ "сточной канавы", которой должно стать сердце мудреца, признавая и принимая от мира все, не отделяя зла от добра. Но не просто "собирая мнения народа", а творчески перерабатывая все многообразие качеств и точек зрения в добродетель Дэ. Принимая равно добро и зло - совершенствуюсь в доброте, доверяя равно правде и лжи - совершенствуюсь в доверии.

Вспомните, например, отношение Вавилова к Лысенко - он все понимал, но не считал для себя возможным отказывать в праве на существование какой-либо точке зрения. Несмотря ни на что, он не только не мог отвечать ударом на удар, но и до последнего старался с уважением относиться к чужому мнению и искать в нем рациональное зерно, которое способствовало бы общему развитию. Конкретно Вавилову это вышло боком - боюсь, что и Лао Цзы пришлось в жизни несладко - но, тем не менее, последний сформулировал этот принцип в своем трактате как сознательную жизненную позицию. Ничего не отвергать, все уважать и принимать, чтобы на стыке противоположностей зародилось нечто новое, ценность более высокого порядка - декларация интеллигентности.

Что же касается ребенка - в представлении, что "мудрый относится к людям как к своим детям" мне видится оттенок такого менторства со стороны "мудрого", стремления учить других жить. С другой стороны, мысль, что мудрый смотрит и слушает как ребенок (или должен стремиться к этому) встречалась неоднократно (например, гл. 10, 20, 28), поэтому эта трактовка кажется мне более правдоподобной.

К главе 50.

Честно признаться, эта глава поставила меня в тупик. Не то, чтобы у переводчиков были большие разногласия - разногласий как раз нет, но остается совершенно неясным критерий, по которому счастливчик, не боящийся тигра и носорога, отличается от других. Большинство переводчиков определяет его как "умеющий овладеть жизнью", "знающий как способствовать жизни" и в таком духе. Есть

варианты (немногочисленные), где в этом месте упоминается "живущий по пути Дао" или "открыт восприятию истинного". И есть один совсем экзотический вариант: "внимающий совершенствованию накопления порождающего" [5] - я не сомневаюсь, что автор вложил в это выражение какой-то смысл, но для меня он остался темен.

Я остановилась на нейтральном варианте "постижения жизни", но вынуждена признать, что для меня эта фраза не несет в данном случае никакого конкретного содержания - я, увы, не знаю рецепта, как озадачить тигра с носорогом, поэтому не могу просветить на этот счет читателя.

К главе 61.

Начало этой главы не вызывает у переводчиков разногласий, но в середине есть разночтения.

Большинство переводчиков полагают, что как большое государство, уступая малому, может "получить" малое, так и малое, уступая большому, может "получить" большое. Соответственно, вывод - для того, чтобы победить (или завоевать расположение), надо или намеренно поставить себя "ниже" или быть "ниже" по природе своей.

Однако два переводчика ([3] и [10]) посчитали, что большое государство, уступая, поглотит маленькое, а маленькое, уступая, все равно будет поглощено. Таким образом, "можно быть уступчивым и тем взять верх, а можно быть уступчивым и проиграть"[3].

В этих двух, казалось бы, противоречащих друг другу вариантах, есть общее: в любом случае, кто бы кого ни "получил", в результате получается одна большая страна - "низовые реки, сток Поднебесной". Разумно предположить, что именно этот результат и представляется Лао Цзы положительным итогом уступчивости, проявленной любой из сторон конфликта.

В последней части главы разногласий еще больше. Некоторые переводчики ([1], [2], [4], [6], [7]) считают, что основная цель большого государства - накормить всех людей, а основная цель маленького - служить людям, при этом оба они получают то, к чему стремятся. (Честно говоря, для такого разумного человека, как Лао Цзы, эта точка зрения представляется мне маловероятной :-)). А. Кувшинов, напротив, считает, что "большая держава не слишком стремится к тому, чтобы еще и заботиться о людях, а малая держава не слишком стремится к тому, чтобы самой служить людям" [3]. Третий вариант, которого более или менее придерживаются переводчики [5] и [8]-[11], гласит, что главная забота большого государства - увеличить численность населения, а забота маленького - найти для своего населения работу или ресурсы. Так как "оба они получают то, чего хотят", очевидно, в результате объединения - последняя версия кажется мне самой логичной.

К главе 62.

Наиболее популярная трактовка этой главы содержит примерно следующее рассуждение: "Дао - сокровище для хороших людей и прибежище для нехороших. ... Можно ли совсем отвергнуть плохих

людей? ... В древности ценили Дао,... потому что преступления прощались." В наиболее крайнем выражении, эта мысль вовсе сформулирована в терминах греха, покинутых грешников и отпущения - тем, кто раскаялся, или тем, кто "нашел Дао", или просто так. ([1],[2],[5],[8],[10])

Мне кажется, что весь этот набор понятий крайне не характерен для Лао Цзы: в русле представлений об относительности понятий добра и зла и их диалектическом единстве - что такое грех? Эта трактовка, скорее, представляет собой результат мощного влияния христианского мировоззрения переводчиков.

К счастью, имеется некоторый люфт. В частности, Дао - не только защита (или поддержка) для недобрых, но и "то, что поддерживают недобрые"[12]. (Кстати, это часто встречающийся случай, когда разные переводчики по-разному определяют объект и субъект действия - видимо, с этим в древнекитайском были проблемы). Опять же, не только "Можно ли покинуть нехороших", но и "можно ли избавиться от несовершенного в человеке"[5] или "как человечье не-благое отринуть?"[6]. Насчет же "прощения" имеется весь спектр, вплоть до "беспощадно карая, избавляется от вредного и нечистого"[3] :-).

С другой стороны, весьма существенно различаются трактовки строк о красивых словах и благородных поступках - от "Можно произносить красивые речи. Можно являть пример добродетели. Но можно ли совсем отвергнуть недобрых людей?"[2] до "Благородные слова - всегда на продажу. Благородные манеры - истасканная личина. Но почему следует отбрасывать плохое в человеке?"[8]. Если во втором случае "благородные слова и манеры" приводятся именно как примеры лицемерия, и вопрос, можно ли отбросить это плохое, еще звучит как-то логично - то в первом случае логика не ясна. Хотя рынок присутствует почти во всех переводах - как минимум, в смысле, что красивые речи получают высокую цену. Насчет благородных поступков, половина переводчиков считает, что они вызывают почтение или им многие следуют - тогда как другая половина полагает, что это средство приобретения репутации, возможно, ложной. Другими словами, поступки тоже получают высокую оценку, независимо, ложную или нет.

Поэтому я посчитала возможной и укладывающейся в текст трактовку: "Чтобы оценить хорошие речи и хорошие поступки, можно ли отказаться от плохого в человеке?"

К главе 63.

"Лень двигает прогресс всегда вперед."

Ужасно, ужасно чесались руки вставить эту цитату из старой студенческой песенки последней строчкой главы :-))

Совість не позволила :-)

К главе 65.

Чаще встречается точка зрения, что здесь Лао Цзы возражал против образования и знаний вообще, однако я опиралась на

трактовку Р.Б.Блэки ([8]), которая хоть и противоречит общепризнанному мнению, зато согласуется с главой 36 и, в некоторой степени, с главой 17.

К главе 71.

Впервые цитата из этой главы мне встретилась в книге Ф. Капры "Дао физики":

"На Западе интуитивный, религиозный тип познания нередко считался менее ценным, чем рациональный, научный тип познания, в то время как на Востоке было распространено противоположное мнение. Следующие заявления двух великих мыслителей Запада и Востока по поводу познания выражают два типичных подхода. В Греции Сократ произнес: "Я знаю, что я ничего не знаю". В Китае прозвучали слова Лао-цзы: "Лучшее знание - это незнание о том, что ты что-то знаешь"."

Однако, при ближайшем рассмотрении, все оказалось не так просто: насчет того, что именно является "лучшим знанием" ("великим достижением", "благородством духа" и т.п.), а что "болезнью" ("заблуждением", "трудностью" и пр. - в общем, минусом), мнения переводчиков разделились.

В частности, "плюс" - это:

- 1) "имея знания, делать вид, что не знаешь" ([1],[2],[4],[14]),
- 2) "знать о своем незнании" ([12],[7],[5],[11],[10],[8],[15]),
- 3) "зная, думать, что не знаешь" ([9],[13],[Капра]),
- 4) "постигать неизведанное" ([3])
- 5) "ведаю, не ведая, Высшее" ([6]).

При этом, считают, что "минус" - это:

- 1) "не имея знаний, делать вид, что знаешь" ([1],[2],[4],[14]),
- 2) "не знать о том, что знаешь" ([12],[5]),
- 3) "не зная, думать, что знаешь" ([9],[7],[13],[8],[4],[15]),
- 4) "не знать очевидного" ("игнорировать мудрость") ([3],[11]),
- 5) "не ведаю, ведая, Страдание" ([6]).

Есть еще комментарий Ван Би (III век н.э.): "Больны, когда не знают, что на знания лучше не полагаться" - это близко к варианту 3 (не знать об ограниченности знаний).

Легко заметить, что предложение Капры ("незнание о своем знании") встречается в обоих множествах, хотя и там и там в меньшинстве. Большинство переводчиков полагают, что Лао Цзы был как раз согласен с Сократом и считал, что осознавать ограниченность своих знаний - это хорошо, а переоценивать свои знания - плохо. Кроме того, также в отличие от мнения Капры, у меня не сложилось впечатления, что Лао Цзы так уж не уважал логику и рациональное познание - диалектичность мышления отнюдь его рациональности не отрицает. Поэтому, при всем моем глубоком уважении к Ф.Капре, в этом вопросе я не решаюсь с ним согласиться.

Что касается "болезни", то в комментарии Семененко отмечается, что эта глава целиком построена на игре слов, а

именно, на множестве значений одного и того же иероглифа "бин" - "болезнь, болеть, беспокоиться, горевать, мучиться, досадовать, трудность, вред, недостаток, уставать, изнеможение..." Несмотря на эту светлую идею, и сам Семененко, и почти все другие переводчики переводят этот иероглиф каким-то одним словом - если уж "болезнь", то везде болезнь, а если уж "трудность", так везде трудность, - тогда как суть игры слов именно в использовании разных значений. В результате получается текст типа: "Ведь только боление болезнью дает не боление. Человек мудрости не болеет - через боление своей болезнью". Слова есть - игры нет.

Красивое исключение - версия П.Мереля: "Кто осознает свои ограничения - здоров. Кто не осознает своих ограничений - болен. Мудрый осознает эту болезнь как ограничение и так получает иммунитет"[10]. Вряд ли слова точны - но игра определенно присутствует :-).

К главе 80.

Общепризнанное мнение - что в этой главе изложен социальный идеал автора: маленькое патриархальное государство, придерживающееся древних обычаев, никаких тебе знаний и стремлений, никаких путешествий и контактов с соседями, никакого прогресса.

Эта точка зрения не кажется мне абсолютно очевидной. В главе 61 прямо говорится о преимуществах как раз большой страны. Во многих главах автор рассуждает об основаниях власти и методах управления, как опытный государственный и очень здравый политик. Упомянутые в главах 36, 65, 72 управленческие технологии, классические принципы военной стратегии в главах 68 и 69, рассуждение о смертной казни в главе 74 и многое другое - все это совершенно не применимо в маленьком государстве и не нужно в патриархальном обществе. Лао Цзы писал для своей страны, для большой многолюдной империи - и вряд ли был настолько наивен, чтобы всерьез предлагать дробление государства и регресс как руководство к действию.

С другой стороны, в главах 3, 19, 57 - знания, производство хороших вещей, умножение законов приводятся как причины всяческих бедствий. Но везде - в рамках противопоставления: образование влечет опасные новшества, усложнение законов увеличивает преступность и т.п. Так сказать, древний вариант известного афоризма "Хотели как лучше...". В главе 58 этот вывод делается явно: "Все правильное неизбежно станет извращаться, Все доброе обречено в проклятье превращаться ..." Исходя из этой логики, возвращение к узелковому письму вряд ли поможет, по крайней мере, надолго - какой вообще может быть "социальный идеал" для человека, считающего диалектическое взаимопревращение противоположностей основным законом мира?

Ключом к пониманию этой главы мне кажется известная легенда о создании "Дао дэ цзына": в преклонном возрасте Лао Цзы решил покинуть провинцию Чжоу и отправился на запад, а проезжая через границу, по просьбе начальника пограничной заставы, написал

трактат из 5 тысяч иероглифов о своем учении... В 80-ой главе трижды (если не четырежды) говорится о нежелании жителей мифической страны путешествовать: они не ездят далеко из страха смерти, не пользуются своими лодками и телегами, не общаются даже с ближайшими соседями и до старости и смерти никуда не уходят и не возвращаются. И Лао Цзы написал это в качестве "идеала", сел на черного буйвола и поехал на запад? Я, честно говоря, не знаю, где именно находится провинция Чжоу, но, судя по многочисленным предположениям, что он направлялся в Индию, на запад от пресловутой заставы начиналась пустыня...

Вообще-то в тексте еще один раз говорится о нелюбви к путешествиям - в главе 47: "Чтоб мир познать, не надо далеко ходить" - но там речь идет о познании и вся глава, скорее, имеет отношение к какой-нибудь дискуссии о преимуществах умозрительного познания перед эмпирическим - т.е. совсем из другой оперы. Зато в главе 20 автор с болью пишет о вечном бродяжничестве, об отсутствии надежного дома, отсутствии понимания и человеческого тепла. Многие главы обнажают глубокое разочарование социальной действительностью и направлением ее развития (46, 53, 75), непониманием со стороны окружающих (70). Страна, о совершенствовании которой он так много думал, народ, которому он безуспешно пытался передать открывшиеся ему истины - не поняли его и не приняли. Глубокий старик, разочарованный и усталый, отправляется "на запад", навстречу одиночеству и смерти, записав на пограничной заставе краткое изложение своего учения - и в конце текста, как оправдание и объяснение своему уходу, описывает мифическую маленькую страну с доброжелательными милыми людьми, с которыми он мог бы прожить всю жизнь, никуда не уходя и не возвращаясь.

Мне кажется, это - не "социальный идеал". Это - горький прощальный упрек.

Ю. Полежаева, 2000 г.